

Житие преподобного Амвросия Оптинского

Особое место среди оптинских старцев занимает преподобный Амвросий, «старец Амвросим», как его называли в народе. «Слава его была очень велика, текла самотеком, из уст в уста, без шума, но с любовью. Знали, что, если в жизни недоумение, запутанность, горе — надо идти к отцу Амвросию, он все разберет, утишит и утешит. <...> Так раздавал он себя, не меряя и не считая. Не потому ли всегда хватало, всегда было вино в мехах его, что был соединен он прямо с первым и безграничным океаном любви», — так, в нескольких словах, но удивительно точно определил Борис Зайцев суть притягательной силы старца. Любовь старца привлекала не только простые сердца богомольцев из народа, с полным доверием относившихся к батюшке. К «хибарке» отца Амвросия устремлялись представители цвета русской интеллигенции, которым дух оптинского старчества открыл богатство и красоту Церкви и православной веры. К старцу Амвросию обращались Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, философ В. С. Соловьев, писатель и философ К. Н. Леонтьев, многие другие.

Детство

Будущий старец родился 23 ноября (6 декабря н. ст.) 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье Михаила Федоровича и Марфы Николаевны Гренковых. Его отец был пономарем, а дед — священником храма Пресвятой Троицы в Большой Липовице. Накануне рождения младенца в доме было много гостей, собравшихся на праздник благоверного великого князя Александра Невского, память которого празднуется 23 ноября. Старец впоследствии шутил: «Как на людях я родился, так все на людях и живу». Родившегося младенца нарекли в честь празднуемого святого Александром.

Воспитывался он в обстановке строгого благочестия. С раннего детства отец брал его в храм на службу, чтению его учили по славянскому букварю, часослову и псалтири. Когда Саша подросток, он стал вместе с отцом петь и читать на клиросе.

В семье Гренковых было восемь детей: четыре сына и четыре дочери, Саша был шестым из них. Он рос бойким, веселым и смышленным мальчиком, но не был, что называется, «образцом послушания» — отличался озорным характером, нередко затевал шалости, за которые ему потом попадало от взрослых. Но эти проделки носили беззлобный характер. Старец часто с юмором вспоминал разные эпизоды из своего детства.

Годы учения

Когда Александру исполнилось 12 лет, его отдали в первый класс Тамбовского духовного училища. Учеба давалась ему легко, в 1830 году в числе лучших он закончил училище и поступил в Тамбовскую духовную семинарию. И здесь он проявил незаурядные способности, его товарищ по семинарии вспоминал: «Тут, бывало, на последние деньги купишь свечку, твердишь, твердишь заданные уроки; он же (Саша Гренков) занимался

мало, а придет в класс, станет наставнику отвечать, — точно как по писаному, лучше всех». Соученики любили Александра за его легкий, живой, веселый нрав, он всегда был, что называется, «душой компании».

Отличаясь разнообразными дарованиями и проявляя успехи в науках, юноша, видимо, искал свое назначение в жизни. Например, он вспоминал, как решил однажды писать стихи: «Признаюсь вам: пробовал я раз писать стихи, полагая, что это легко. Выбрал хорошее местечко, где были долины и горы, и расположился там писать. Долго, долго сидел я и думал, что и как писать, да так ничего и не написал». Любимыми его предметами, судя по отметкам в аттестате, было изучение Священного Писания, богословских, исторических и словесных наук. В то время у него не было мыслей о монашестве: «В монастырь я не думал никогда идти; впрочем, другие, — я и не знаю почему, — предрекали мне, что я буду в монастыре». Но Промысл Божий незаметно подвигал его на предназначенный путь. На последнем курсе семинарии Александр тяжело заболел, болезнь была опасная. Вот как рассказывал об этом сам старец: «Надежды на выздоровление было очень мало. Почти все отчаялись в моем выздоровлении; мало надеялся на него и сам я. Послали за духовником. Он долго не ехал. Я сказал: "Прощай, Божий свет!" И тут же дал обещание Господу, что если Он меня воздвигнет здоровым от одра болезни, то я непременно пойду в монастырь». Болезнь прошла, юноша не забыл своего обета, но несколько лет откладывал его исполнение. В 1836 году Александр Гренков окончил семинарию, но не стал поступать в Духовную академию и не принял священного сана.

Выбор пути

Некоторое время Александр Михайлович был домашним учителем в помещичьей семье. Тогда он ближе узнал людей, что расширило его жизненный опыт и пригодилось в дальнейшем, когда приходилось разбирать бесчисленные житейские ситуации и давать советы.

7 марта 1838 года Александр Михайлович Гренков был утвержден в должности учителя первого класса Липецкого духовного училища. Наставники жили при училище, в здании, расположенном во дворе. У Александра Михайловича был довольно широкий круг знакомых, он любил музыку и пение, в свободное время вел рассеянную светскую жизнь. Сам старец впоследствии признавался, что подумывал тогда даже поступить на военную службу. В дальнейшем старец так вспоминал об этом времени между окончанием семинарии и поступлением в монастырь: «После выздоровления я целых четыре года все жался, не решался сразу покончить с миром, а продолжал по-прежнему посещать знакомых и не оставлял своей словоохотливости. Бывало, думаешь про себя: ну вот отныне буду молчать, не буду рассеиваться. А тут, глядишь, завоет кто-нибудь к себе; ну, разумеется, не выдержу и увлекусь разговорами. Но придешь домой, на душе непокойно, и подумаешь: ну, теперь уже все кончено навсегда — совсем перестану болтать. Смотришь, опять позвали в гости, и опять наболтаешь. И так вот я мучился целых четыре года».

Стремление к сосредоточенной внутренней жизни со временем становилось всё сильнее, не мог забыть он и данный Богу обет. В ночное время, когда все уже спали, молодой человек становился перед Тамбовской иконой Божией Матери — родительским благословением — и долго, незримо и неслышно для людей, обращался к Богородице с молитвой об устройении его жизни. Сослуживцы, заметив эти ночные молитвы, стали насмехаться и подшучивать над усердием своего товарища, но он не обижался, терпел их нападки, уходил на чердак, чтобы скрыться от людей, а потом стал удаляться загород, где никто не мешал ему всем сердцем обращаться к Богу. Однажды, гуляя в лесу вдоль ручья,

Александр Михайлович явственно расслышал в его журчании слова: «Хвалите Бога, любите Бога». Этот случай также стал для него знамением, призывающим целиком посвятить себя Богу.

«Иди в Оптину — и будешь опытен»

И все же Александр Михайлович в столь важном деле как выбор жизненного пути решил получить благословение духовно опытного молитвенника. В Тамбовской епархии, в селе Троекурово, проживал известный в то время подвижник Иларион, к нему и решил отправиться за советом Александр Михайлович. Вскоре представился и удобный случай. Закончился учебный год, впереди были каникулы. Два молодых наставника, Александр Михайлович и его друг Павел Степанович Покровский поехали погостить к родителям Павла Степановича в село Сланское Лебединского уезда, в 30 верстах от Троекурова.

В доме друга Александр Михайлович нашел радушный прием. Немного отдохнув, товарищи решили совершить прогулку в Троекурово пешком. Их с любовью встретил отец Иларион, каждому дав благословение и совет. Александру Михайловичу сказал: «Иди в Оптину Пустынь — и будешь опытен. Можно бы пойти и в Саров, но там уже нет теперь никаких опытных старцев, как прежде» (преподобный Серафим незадолго перед этим скончался). И прибавил знаменательные слова: «Ты там нужен».

Вопрос о принятии монашества был решен, благословение старца не оставляло сомнений. Вернувшись домой, друзья решили еще побывать на богомолье в Троице-Сергиевой лавре, поклониться преподобному Сергию. В лавре, у мощей великого подвижника, Александр Михайлович всей душой предался молитве, он ощутил отеческое благословение преподобного Сергия, «начальника иноков», на подвиг служения Богу в монашеском звании.

Совет старца Илариона и молитва к преподобному Сергию окончательно укрепили Александра в намерении оставить мир. Но ведь надо было еще разрешить ряд житейских вопросов. Начался учебный год, трудно было предположить, что начальство отпустит наставника в такое время. Жизнь потекла своим чередом, и тут будущий подвижник убедился, как цепко удерживает мир даже тех, кто всей душой стремится расстаться с ним. Снова начались заботы службы, повседневная суета... После одного вечера, проведенного в гостях, в праздных разговорах, он почувствовал, что больше не может вести такую жизнь. Наутро он в последний раз пришел в училище, сообщил Покровскому о намерении уехать в Оптину и просил никому не сообщать об этом. Никакие возражения и уговоры не подействовали. Опасаясь, что родные и знакомые могут поколебать его решимость, Александр уехал в Оптину тайно от всех, не испросив даже разрешения епархиального начальства.

Первый год в монастыре

В воскресенье, 8 октября 1839 года, Александр Михайлович Гренков подъезжал к Оптиной пустыни. Вот уже среди густой зелени показались белые стены, синие со звездами главы и золотые кресты обители. Шла поздняя литургия, когда он прибыл на место.

Александр Михайлович сразу поспешил в церковь, а после литургии — к старцу Леониду, чтобы получить разрешение остаться в монастыре. Старец благословил его жить первое время в гостинице. Затем он отправился к игумену отцу Моисею, получил его благословение и стал устраиваться на новом месте. Ему отвели небольшую комнату во флигеле во дворе монастыря, у ворот.

Так началась совершенно новая жизнь. Молодой насельник исправно посещал богослужения, ежедневно бывал у отца Леонида, присматривался к обращению старца с народом, слушал его наставления. В январе 1840 года он перешел жить в монастырь, хотя еще не был официально зачислен в братию.

Между тем его местопребывание стало известно смотрителю Липецкого духовного училища. Тогда Александр Михайлович, по совету старцев Леонида и Макария, написал смотрителю извинительное письмо за самовольный уход из училища и в то же время подал Тамбовскому епископу Арсению прошение о разрешении ему принять монашество в Оптиной Пустыни. Вспоминая об этом времени, старец рассказывал впоследствии: «Приехал я в Оптину и думал пожить еще так, не поступая в монастырь, а сам послал просьбу Тамбовскому преосвященному Арсению об увольнении. Он сделал запрос архимандриту Моисею: примут ли меня? Архимандрит приходит ко мне и спрашивает: "Желаете ли приуказиться?" Я говорю: "Нет, мне бы хотелось еще так пожить". — "А так, — говорит, — нельзя". Преосвященный Арсений не хотел давать мне увольнения, не узнав прежде наверно, остаюсь ли я в монастыре. Так и приуказили меня еще в мирском платье». И вновь нерешительность Александра была промыслительно преодолена силой внешних обстоятельств.

В апреле 1840 года Александр Михайлович Гренков был зачислен в братию монастыря. Работал в монастырской пекарне, варил дрожжи, пек просфоры, хлеб. Он был некоторое время келейником старца Льва и его чтецом. В ноябре 1840 года послушника Александра перевели в Предтеченский скит, где он прожил около пятидесяти лет.

В Иоанно-Предтеченском скиту

Переход в Предтеченский скит совершился по благословению старцев Леонида и Макария, которые сочли, что молодому послушнику полезно будет жить в более безмолвном месте.

Послушник Александр год пробыл помощником повара на кухне, а потом был назначен главным поваром скита. Он продолжал посещать старца Леонида в монастыре, рядом был и старец Макарий, к нему Александр часто обращался за советом по разным вопросам.

В скиту царилла благодатная для новоначального инока обстановка: уклад жизни, общение с братией, уставные строгие богослужения, посещение старцев — всё способствовало самоуглублению, сосредоточенности — постепенному переустройству души на новый лад.

Старец Леонид особенно любил молодого послушника, выделял его среди остальных, ласково называя Сашей. Но из воспитательных побуждений нередко испытывал на людях его смирение: делал вид, что сердится на него, даже дал ему прозвище «химера» (так в народе называют пустоцвет на огурцах).

Как-то старец при всех в гневе обрушился на послушника Александра и даже выгнал его из кельи, но оставшимся посетителям, в недоумении наблюдавшим эту сцену, сказал: «Великий будет человек». Даже в шутках, которыми отец Леонид часто прикрывал свою прозорливость, он предрекал Александру большую будущность. Однажды старец со смехом надел ему на голову шапку с головы монахини, стоявшей среди посетителей, возможно, этим он предсказал предстоящие заботы отца Амвросия об устройении женских обителей.

В 1841 году, предчувствуя близкую смерть, старец Леонид призвал отца Макария и сказал ему о послушнике Александре: «Вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уже очень слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, владей им, как знаешь». Отец Макарий исполнил волю старца.

После смерти старца Леонида брат Александр стал келейником отца Макария и исполнял это послушание около четырех лет. В 1842 году он был пострижен в мантию с именем Амвросий (в честь святителя Амвросия Медиоланского, память этого святого совершается 7/20 декабря). В 1843 году последовало рукоположение в иеродиакон, а через три года — в иеромонахи.

Поступивший в 1844 году в Оптину Пустынь игумен Феодосий вспоминал с каким великим благоговением служил всегда отец Амвросий. Позже старец Амвросий говорил одному иеродиакону, тяготившемуся отправлением череды священнослужения: «Брат! Не понимаешь дела. Ведь жизни причащаешься!»

«Сила Божия в немощи совершается»

Здоровье отца Амвросия со временем сильно пошатнулось. Когда он ездил на иерейскую хиротонию в Калугу, то простудился и долго болел, получив осложнение на внутренние органы. С тех пор он уже не мог по-настоящему поправиться от болезней. Но подвижник никогда не унывал и признавался, что телесная немощь благотворно действует на его душу. «Монаху полезно болеть», — любил повторять старец Амвросий. И другим в утешение говорил: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения».

В начале сентября 1846 года отец Амвросий вновь заболел и так серьезно, что уже не надеялись на выздоровление и он был келейно пострижен в схиму с сохранением имени Амвросия. Эта тяжелая болезнь продолжалась более года и имела очень большое значение для внутренней духовной жизни отца Амвросия. Чувствуя крайнюю слабость и потеряв надежду на улучшение здоровья, он в декабре 1847 года подал прошение об оставлении его в обители за штатом. На основании заключения уездного врача Калужское епархиальное начальство признало иеромонаха Амвросия неспособным ни к каким монастырским послушаниям и постановило исключить его из штата братии Оптиной Пустыни, оставив его на пропитании и призрении обители. В это время отцу Амвросию было всего только 36 лет.

Таким образом, несмотря на молодые годы, земная деятельность отца Амвросия, по обычным человеческим представлениям, казалась уже совершенно закончившейся. Он должен был доживать свой век инвалидом, на иждивении обители, по болезни не мог даже совершать богослужений. Но как и первый зов Божий был явлен ему через болезнь, так и призыв к подвигу старчества был дан в состоянии полной физической немощи. В духовном становлении старца Амвросия исполнялись слова Господа: «Аминь, аминь глаголю вам, аще зерно пшенично пад на землю не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит» (Ин. 12, 24).

Через некоторое время, неожиданно для всех, больной начал потихоньку поправляться и даже выходить на улицу для прогулок. Батюшка вспоминал, как он в первый раз вышел на воздух летом 1848 года: «В летний ясный тихий день вышел я впервые из келлии и побрел, опираясь на палку, едва передвигая ноги, по дорожке за сажелкой. (Это самая уединенная дорожка внутри скита, вдоль восточной стены.) Первым навстречу мне попался игумен Варлаам (бывший Валаамский настоятель). "Ну, что, — спрашивает, — поправляешься?" — "Да, вот, — отвечаю, — слава Милосердому Богу, оставил на

покаяние". Отец игумен остановился и, глядя на меня, начал говорить смиряющим тоном: "А что ж ты думаешь, — лучше что ли будешь? Нет, не будешь лучше: хуже, хуже будешь". Вот теперь и сам вижу, что стал хуже».

В дальнейшем приступы болезни неоднократно повторялись, иногда угрожая жизни подвижника. Это положение сильнее аскетических подвигов способствовало его духовному укреплению, он, можно сказать, привык находиться на грани жизни и смерти, что само по себе освобождает от всяких земных привязанностей, заставляет жить одной надеждой на помощь Божию. Отец Амвросий переносил болезнь без ропота, с благодарностью Господу. Всё это время незримо происходило возрастание в немощном телесно монахе разнообразных духовных дарований.

Под руководством старца Макария

Старец Макарий воспитывал строгого подвижника, украшенного смирением, терпением и другими иноческими добродетелями. Он, как в свое время и отец Леонид, нередко подвергал отца Амвросия унижениям и оскорблениям. Когда за отца Амвросия пытались заступиться свидетели этих «воспитательных мер»: «Батюшка, он человек больной!» — старец отвечал: «А я разве хуже тебя знаю. Но ведь выговоры и замечания монаху — это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души; без сего монах ржавеет». За всем этим была огромная любовь старца к своему подопечному. Проявлялась она и в «вещественных утешениях», иногда — маленьких, но согревающих и поддерживающих в нелегком иноческом житии. «Иду однажды по скиту, — рассказывал сам отец Амвросий, — вдруг мне навстречу батюшка, где-то он взял крошечную баночку варенья, вышиною не больше вершка, и, подавая мне ее, говорит: "На-ко, на-ко тебе для услаждения гортани от горести, ею же сопротивник напои"». Под руководством старца Макария отец Амвросий смог без особых преткновенений обучиться искусству из искусств — умной молитве.

Рядом со старцем монах Амвросий не только возрастал и совершенствовался сам, но и проходил бесценную школу старческого окормления — и на собственном опыте, и на примере того, как старец общался с народом — давал советы, утешал, молился, увещевал.

Круг обязанностей отца Амвросия постоянно расширялся, он нес два важных послушания: помогал старцу в издании святоотеческих трудов и другой душеполезной литературы, а также по его поручению отвечал на некоторые письма. Так старец Макарий постепенно готовил себе преемника.

Старец Макарий привлек своего ученика к работе над подготовкой к изданию переводов святоотеческих творений. Отец Амвросий был ревностным сотрудником старца, он подготовил издание одного из самых главных аскетических творений — «Лестницы» преподобного Иоанна Лествичника. В основание его был положен перевод старца Паисия Величковского, кроме того, изучались и сравнивались другие печатные издания и переводы «Лестницы», а также подлинный греческий текст книги. Целью этой большой работы было предложить читателям понятный, доступный текст, сохранив при этом точность изложенных в нем высоких духовных истин.

Отец Амвросий не оставил дело книгоиздательства и после кончины старца Макария. Со временем стали выходить и жизнеописания оптинских подвижников. Отец Амвросий сам составил жизнеописание старца Макария, под его руководством были собраны и изданы письма старца.

Кропотливая работа над текстами святоотеческих творений под руководством мудрого старца стала также этапом в духовной подготовке отца Амвросия к подвигу старчества, который ему пришлось взять на себя после кончины отца Макария, последовавшей в 1860 году.

Путь к старчеству

Еще при жизни старца Макария, с его благословения, некоторые из братии приходили к отцу Амвросию для исповеди и за советом. Вот как об этом рассказывал игумен Марк, окончивший жизнь на покое в Оптиной: «Сколько мог я заметить, отец Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему ежедневно для откровения помыслов и почти всегда заставлял его за чтением святоотеческих книг. Если же не заставлял его в келье, то это значило, что он находился у старца Макария, которому помогал в корреспонденции с духовными чадами или трудился в переводах святоотеческих книг. Иногда же я заставлял его на кровати и со сдержанными и едва приметными слезами. Мне казалось, что старец всегда ходил перед Богом или как бы всегда ощущал присутствие Божие, по слову псалмопевца "предзрех Господа предо мною выну" (Пс. 15, 8), а потому все, что ни делал, старался творить ради Господа и Ему в угодность. Поэтому он всегда сетовал, боясь, как бы чем не оскорбить Господа, что отражалось и на его лице. Видя такую сосредоточенность своего старца, я в его присутствии всегда был в трепетном благоговении. Да иначе мне и нельзя было быть. Когда, по обыкновению, я опускался пред ним на колени, чтобы получить благословение, он весьма тихо спрашивал меня: "Что скажешь, брате, хорошенького?" Озадаченный его сосредоточенностью и умилением я, отвечал: "Простите, Господа ради, батюшка. Может быть, я пришел не вовремя?" — "Нет, — скажет старец, — говори нужное, но вкратце". И, выслушав меня со вниманием, он с благоговением преподает полезное наставление и отпускает с любовью. Наставления же он преподавал не от своего мудрствования и рассуждения, хотя и богат был духовным разумом. Если он учил духовных чад, относящихся к нему, то как бы в среде учащегося, и предлагал не свои советы, а непременно деятельное учение святых отцов». Если же отец Марк жаловался отцу Амвросию на кого-либо обидевшего его, старец, бывало, скажет плачевным тоном: «Я сегодня-завтра умру. Что я сделаю с этим братом? Ведь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться перед братом — и успокоишься». Такой ответ вызывал в душе отца Марка самоукорение, и он, смиренно поклонившись старцу и испросив прощения, уходил успокоенный и утешенный, «как на крыльях улетал». Иеромонах Оптиной пустыни отец Геронтий вспоминал, что «отец Амвросий хотя и старчествовал, но как бы прикровенно». Кроме монахов, отец Макарий сближал отца Амвросия и со своими мирскими духовными чадами. Видя его беседующего с ними, старец Макарий шуточно говорил: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает!»

Отец Амвросий получил благословение на духовное окормление братии в очень молодом по монастырским меркам возрасте — ему не было и 40 лет, но таково было доверие к нему опытных отцов, видевших его редкие дарования. Когда старец Макарий скончался, отец Амвросий постепенно был поставлен на его место, но он не сразу был признан братией преемником старца. С течением времени слух о духовной опытности и мудрости отца Амвросия все более и более распространялся, число обращающихся к нему возрастало. Иеромонах Антоний (Бочков) писал об отце Амвросии, что обитель Оптинская «от него получает укрепление и назидание. Причиною тому служат: его кротость, доброта и простота. Его благой пример и советы могут сотворить чудо... Хвалить его напрасно. Дела лучше слов говорят за него... Видно, назначено ему спастись болезнями; редкое его незлобие и младенчество христианское все переносит благодушно: и Божие наведение, и человеческие неправды».

Одна барыня, глубоко огорченная кончиной отца Макария, услышав, что в Оптиной пустыни есть теперь новый старец, отец Амвросий, воскликнула: «Как! Чтобы я после Макария пошла к этому монаху, который все вертелся в батюшкиных кельях и расхаживал с мешочком! Это невозможно!» Но спустя некоторое время, случайно побеседовав с отцом Амвросием, она вышла от него растроганная и впоследствии говорила: «Я знала обоих, но чувствую, что отец Амвросий еще выше отца Макария».

Через 40 дней после кончины старца Макария отец Амвросий перешел на жительство в корпус рядом со скитской оградой, с правой стороны от колокольни. На западной стороне этого корпуса была сделана пристройка, называемая «хибаркой», для приема женщин (в скит их не пускали). Тридцать лет, до отъезда в Шамордино, прожил здесь отец Амвросий, служа ближним.

Вскоре после кончины старца Макария, обитель постигла еще одна утрата: в 1862 году скончался настоятель архимандрит Моисей. При нем начался расцвет монастыря, при нем поступил в обитель отец Амвросий. Новым настоятелем обители стал отец Исаакий (Антимонов). Старец Амвросий был его духовником, архимандрит Исаакий относился к нему с глубоким благоговением и преданностью, во всем полагаясь на его советы, ничего не предпринимая без его благословения.

Подвижническая жизнь

Внешняя сторона жизни старца Амвросия была самая скромная. В келье его было только необходимое: в переднем углу — несколько икон, около двери висели ряса и подрясник с мантией, кровать с холщевым, набитым соломой, тюфяком и такой же подушкой — вот и все ее убранство. При старце были два келейника: отец Михаил и отец Иосиф (Литовкин, будущий старец). Главным письмоводителем был отец Климент (Зедергольм), сын протестантского пастора, перешедший в Православие, высоко образованный человек.

На молитву отец Амвросий вставал в 4 утра, звонком вызывал келейников, они прочитывали правило, после чего старец оставался один, совершая Иисусову молитву. После краткого отдыха, читались часы: третий, шестой с изобразительными и, смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери. Эти акафисты старец выслушивал стоя. После молитвы и легкого завтрака начинался трудовой день с небольшим перерывом в обеденное время. Ел старец крайне мало. Даже во время обеда келейники продолжали задавать ему вопросы по просьбе посетителей. После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся — и так до глубокого вечера. Трудно представить себе, как он мог, будучи постоянно болен, в полном изнеможении сил, принимать ежедневно толпы людей и отвечать на десятки писем.

Вот описание обычной обстановки в хибарке старца, где его всегда ожидали многочисленные посетительницы: «Лишь только выйдет к ним келейник, как в сотню голосов к нему: "Доложите, доложите". Желая хоть сколько-нибудь успокоить посетительниц, он спросит: "Как о вас доложить?" Каждая, конечно, рассказывает, откуда прибыла. Но где же ему в такой суматохе всех упомянуть? Своеобразно докладывал о них отец Михаил: придет к старцу и скажет: "В хибарке вас, Батюшка, ждут". — "Кто там?" — спросит старец. — "Московские, Вяземские, Тульские, Белевские, Каширские и прочие народы". — "Скажи, чтобы подождали"».

Часто бывало, что беседы с посетителями затягивались, продолжаясь в то время, которое было отведено для отдыха старца, и келейник напоминал ему об этом. Тогда батюшка снимал шапочку, раскланивался и говорил по обычаю в шутовском тоне: «Очень признателен вам за посещение, отец N говорит, что пора...» Иногда, жалея утомленного

старца, келейник говорил: «Батюшка, уж два часа», — а отец Амвросий отвечал: «Ты переведи их назад, и будет час», — и беседа с посетителями продолжалась.

Несмотря на крайнее изнеможение и болезненность старца, день всегда заканчивался вечерним молитвенным правилом, состоящим из малого повечерия, канона Ангелу хранителю и вечерних молитв. От непрерывных докладов келейники, то и дело приводившие к старцу и выводившие посетителей, едва держались на ногах. Сам старец временами лежал почти без чувств. После молитвы келейники принимали благословение и оставляли старца одного.

Так проходили будние дни. Накануне воскресных и праздничных дней в келье отца Амвросия совершалось всенощное бдение. Ко всем большим праздникам старец рассылал многочисленные поздравления своим духовным чадам. Особой торжественностью отличался День ангела старца Амвросия, 7 декабря (ст. ст.), празднование памяти святителя Амвросия Медиоланского.

Неоднократно происходили ухудшения и без того слабого здоровья старца. Однажды доктора запретили отцу Амвросию принимать посетителей, но он все равно продолжал принимать народ. Чтобы остановить приходящих, постоянно осаждавших келью отца Амвросия, к двери прикрепили записку: «Врачи запрещают Старцу принимать посетителей», но и это не особенно подействовало на посетителей. Старец с великим смирением переносил свои болезни, никогда не жалуясь, но изредка приоткрывал степень своих страданий. Однажды на общем благословении он сказал своим посетительницам, что всю ночь не спал. Все начали расспрашивать, от чего, да как же это, на что старец сказал: «Вот все могут говорить о своих болезнях, а я и не говори: начнутся оханья, слезы; потому если и скажу иногда, то только часть; а если бы знали все, что я чувствую... Иногда так прижмет, что думаю, — вот пришел конец».

Благодатный старец

Во всех словах и действиях отца Амвросия проявлялось глубокое смирение, из него и рождалась та удивительная любовь, которая не разбирала «плохих» и «хороших», в каждом человеке видел он образ Божий. Любовь старца не была «отношением» к кому-то, это было состояние, в котором он жил. Ему было свойственно постоянное сердечное сокрушение как о своих собственных грехах, так и о грехах своих ближних. О его исповеди рассказывал иеромонах Платон, бывший одно время духовником отца Амвросия: «Как назидательна была исповедь старца! Какое смирение и сокрушение сердечное выказывал он о грехах своих! Да и каких грехах! О таких, которые мы и за грех не считаем... Посмотрю, посмотрю на плачущего старца, да и сам заплачу». Как-то старец сказал: «Прожил я в монастыре 40 лет и не нажил 40 реп; истинно чужие крыши покрывал, а своя раскрыта стоит; а мне уже доходит 67-й год». В своих письмах к разным лицам отец Амвросий часто просил помолиться о нем — «глаголющем и не творящем». Он никогда и не помышлял о себе, как о достигшем каких-либо духовных высот.

Смирение и постоянное очищение сердца искренним покаянием, самоосуждением и молитвой создавали в душе старца светлое, мирное, радостное настроение, которое не оставляло его даже в минуты тяжелых физических страданий, он всегда был весел и спокоен. Даже в болезни он обычно шутил с окружающими, утешал малодушных или словом, или отечески-ласковым взглядом. Обыкновенно, когда состояние старца ухудшалось, все скитские братья были в унынии. Он старался приободрить их, иногда встречая шутивно-приветливыми словами: «Терпел Елисей, терпел Моисей, терпел Илия, так потерплю ж и я».

Интересно, что свойственное ему в миру чувство юмора, умение поднять дух окружающих не исчезли после многих лет монашеской жизни. Черты его характера — легкость, веселость, открытость — сохранились, преображенные той огромной духовной работой, которая была им совершена за это время. Даже его любовь к поэзии, остроумному, точному слову по-прежнему проявлялась в том, как он давал советы и назидания. Часто он делал это в шуточной форме, подбирая соответствующие ситуации пословицы, а бывало и формулировал очередной совет «в рифму», это само по себе ободряло и поддерживало «вопрошающих». Вспоминают, что нередко старец заставлял кого-нибудь из посетителей прочитать подходящую басню Крылова, содержание которой касалось того вопроса, о котором шла речь. Крылова отец Амвросий очень любил, «Басни» которого всегда стояли на полке старца среди святоотеческих трудов и другой душеполезной литературы, и он частенько просил кого-нибудь из келейников почитать Крылова, восхищаясь живым слогом, точностью выражений, юмором и остротой мысли.

Старец терпел рядом с собой людей с самым тяжелым, неприятным характером. Много досаждала ему одна монахиня, и однажды его спросили, как он ее выносит, на что отец Амвросий отвечал: «Если здесь, где я стараюсь ее успокоить, ей все-таки так тяжело, каково ей будет там, где все ей будут перечить! Как же ее не терпеть!» Вот еще пример снисхождения старца к недостаткам людей — одна из посетительниц сказала ему: «Как это вы, батюшка, не только не гневаетесь на тех, кто об вас нехорошо говорит, но и продолжаете любить их?». Старец много этому смеялся и сказал: «У тебя был маленький сын: сердилась ли ты на него, если он что и не так делал и говорил? Не старалась ли, напротив, как-нибудь покрывать его недостатки?»

Отец Амвросий умел вразумлять нуждающихся словом, понятным лишь тому, к кому оно относилось, ведь чаще всего ему приходилось давать свои советы при большом скоплении людей. Например, он мог рассказать историю, которая служила ответом на сокровенную мысль кого-либо из присутствовавших. Но каждому он давал столько, сколько тот мог вместить по своему душевному устройству. Старец не имел обыкновения прямо и резко обличать кого-либо перед людьми. И не столько угрозой, сколько любовью умел батюшка вести людей к исправлению, вселяя в души их веру, что не все потеряно, и можно, при помощи Божией, одолеть врага. Когда люди входили к старцу со своими скорбями и невзгодами, душам их становилось вдруг легко и свободно. С особенной любовью отец Амвросий относился к детям, любил поговорить с ними, приласкать, для них всегда были у него наготове сладость или небольшой подарочек, и дети тоже очень тянулись к старцу, совсем не боялись его.

Сохранилось описание внешности отца Амвросия: «Это был благообразный старец, немного выше среднего роста и несколько от старости сутуловат. Будучи смолоду очень красивым, как передавали знавшие его в то время лично, он и в старости не потерял приятности в своем лице, несмотря на его бледность и худобу. На голове спереди имел небольшую лысину, которая, впрочем, нисколько его не безобразила и даже как-будто шла к его лицу, а сзади несколько прядей коротких, темно-русых с проседью волос; на лбу две-три морщины, которые при случае совершенно сглаживались; глаза светло-карие, живые, пронизательные, видящие душу насквозь; губы обыкновенные, борода довольно длинная, редкая, седая, в конце раздвоенная.

От живости батюшки выражение лица его постоянно менялось. То он с лаской глядел на вас, то смеялся с вами молодым одушевленным смехом, то радостно сочувствовал, если вы были довольны, то тихо склонял голову, если вы рассказывали ему что-нибудь печальное, то на минуту погружался в размышление, когда вы хотели, чтобы он сказал вам, как поступить в каком-либо деле, то решительно принимался качать головой, когда

отсоветовал какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на вас, всё ли вы понимаете, начинал объяснять, как надо устроить ваше дело.

И вы чувствовали, что эти глаза видят все, что в вас есть дурного и хорошего; и вас радовало, что это так, и что в вас не может быть для него никакой тайны».

Уже при жизни старца стали явными те дарования, которые он стяжал самоотверженным служением Богу и ближним. Мы приведем лишь некоторые свидетельства очевидцев о различных проявлениях действия благодати Божией через старца Амвросия.

Дар прозорливости

Среди духовных благодатных дарований отца Амвросия, привлекавших к нему тысячи людей, следует в первую очередь упомянуть прозорливость старца. Легким, никому не заметным намеком он указывал людям их слабости и заставлял их серьезно задуматься. Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросия, сильно пристрастилась к игре в карты и стеснялась сознаться ему в этом. Однажды, на общем приеме, она стала просить у старца «карточку» — фотографию. Старец внимательно, своим особенным, пристальным взглядом посмотрев на нее, сказал: «Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?» Она поняла намек и покаялась старцу в своей слабости.

«Вера пришла смотреть лицемера...»

Одна молодая девушка, окончившая высшие курсы в Москве, мать которой давно уже была духовной дочерью отца Амвросия, никогда не видя старца, не любила его и называла «лицемером». Мать уговорила ее побывать у отца Амвросия. Придя к старцу на общий прием, девушка стала позади всех, у самой двери. Вошел старец и, отворив дверь, закрыл ею молодую девушку. Помолвившись и оглядев всех, он вдруг заглянул за дверь и говорит: «А это что за великан стоит? Это — Вера пришла смотреть лицемера?» После этого он побеседовал с нею наедине, и отношение к нему молодой девушки совершенно переменилось: она горячо полюбила его, и судьба ее решилась — она поступила в Шамординский монастырь. Кто с полным доверием предавался руководству старца, никогда в этом не раскаивался, хотя и слышали иногда от него такие советы, которые с первого раза казались странными и совершенно неисполнимыми.

«Кто здесь нетерпеливые?»

Обычно у старца собиралось множество народу. И вот одна молодая женщина, которую уговорили посетить батюшку, находилась в раздраженном состоянии, что ее заставляют ждать. Вдруг дверь широко отворяется. Старец с ясным лицом появляется на пороге и громко говорит: «Кто здесь нетерпеливые, пойдите ко мне». Приближается к молодой женщине и ведет ее к себе. После беседы с ним она становится частой гостьей Оптиной и посетительницей отца Амвросия.

Наставления и советы старца

Прозорливость старца Амвросия сочеталась с другим ценнейшим даром, особенно для пастыря — рассудительностью. Старец часто делал наставления в полушутливой форме, но глубокий смысл его речей нисколько от этого не умалялся. Люди невольно задумывались над образными выражениями отца Амвросия и надолго запоминали данный урок. Часто на общих приемах слышался вопрос: «Как жить?» Старец благодушно отвечал: «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, чуть одной точкой касается земли, а остальным стремится вверх; а мы, как заляжем, так и встать не можем».

«Бог смиренным дает благодать»

Одна монахиня за невольное ослушание подверглась строгому выговору от настоятельницы. Больно и обидно было ей, но, подавив в себе самолюбие, она замолчала и только попросила прощения. Возвратившись в келью, она заметила, что на душе у нее светло и отрадно. Вечером того же дня она сообщила обо всем случившемся батюшке Амвросию. Старец сказал: «Этот случай — промыслителен, помни его. Господь захотел показать тебе, как сладок плод смирения, чтобы ты, ощутив его, понуждала себя всегда к смирению, сначала к внешнему, а затем и к внутреннему. Когда человек понуждает себя смиряться, то Господь утешает его внутренно, и это-то и есть та благодать, которую Бог дает смиренным. Самооправдание только кажется облегчающим, а на самом деле приносит в душу мрак и смущение».

О самомнении

Отец Амвросий неустанно предупреждал своих духовных чад о вреде самомнения и самолюбия. Одному из посетителей, который имел тщеславный помысл, батюшка рассказал притчу: «Одного пустынника выбрали архиереем, он долго отказывался, но они настояли. Тогда он и подумал: я не знал, что я достоин, верно, есть что-нибудь у меня хорошее. В это время явился ему ангел и говорит: "Рядниче (рядовой монах), что ты возносишься, там люди нагрешили и им нужно наказание, вот оттого и выбрали, что хуже тебя не нашлось"». Старец говорил: «Памятозлобие, зависть, ненависть и подобные страсти кроются внутри и рождаются, и произрастают от внутреннего корня самолюбия. Ветви снаружи как ни обрубай, пока корень этот будет сыр и свеж и не будет употреблено средств подсесть внутренние разветвления этого корня, чрез которое проникает зловредная влага и произрастает наружные отпрыски, — труд будет напрасен. Секира к истреблению корня самолюбия — вера, смирение, послушание и отсечение своих хотений и разумений».

О борьбе с грехами

«Отчего люди грешат?» — задавал иногда старец вопрос и сам же отвечал на него: «Или оттого, что не знают, что должно делать и чего избегать, или, если знают, то забывают, или ленятся, или унывают... Это три исполина — уныние или леность, забвение и неведение, — от которых связан весь род человеческий нерешимыми узами. А затем уже следует нерадение со всем сонмищем злых страстей».

О терпении скорбей и обид

Тому, кто жаловался на скорби, старец говорил: «Если солнце всегда будет светить, то в поле все повянет; потому нужен бывает дождь. Если все будет дождить, то все попреет; потому нужен ветер, чтобы продувал. А если ветра недостаточно, то нужна бывает и буря, чтобы все пронесло. Человеку все это в свое время бывает полезно, потому что он изменчив».

«Когда тебе досаждают, не спрашивай никогда "зачем" и "почему". Этого нигде нет в Писании. Там сказано напротив: ударят тебя по правой щеке, подставь и левую; а это вот что значит: если бьют тебя за правду, то не ропщи и подставь левую, т. е. вспомни свои неправые дела, и увидишь, что достоин наказания».

Немощь человеческая

Когда батюшке говорил кто-нибудь «не могу» (что-либо потерпеть или исполнить), он нередко рассказывал про одного купца, который все говорил: «Не могу, не могу — слаб». А пришлось ему раз ехать по Сибири; он был закутан в двух шубах и ночью задремал; открыл глаза и вдруг видит — точно сияние перед собою, всё как будто волки мелькают; глядит — действительно волки. Как он вскочит... да, забыв про тяжесть шуб, —прямо на дерево!

О вреде похвал

«Когда хвалят, то на это надо не обращать внимания, не отвечать и не спорить. Пусть хвалят, а только самому сознавать в себе, стоишь ли ты похвалы или нет. Если будешь противоречить, то выйдет лицемерие; ведь тонкое чувство удовольствия от похвалы все-таки есть в тебе; да и те, которым ты будешь противоречить, не поверят тебе, поэтому когда хвалят, не говори ничего, опусти глаза, и молчи».

О покаянии

О покаянии старец говорил: «Какое ныне настало время! Бывало, если кто искренно раскается в грехах, то уже и переменяет свою греховную жизнь на добрую; а теперь часто бывает так: человек и расскажет на исповеди все свои грехи в подробности, а потом опять за свое принимается».

«Не пища имеет значение, а заповедь»

Один противник поста сказал батюшке: «Не все ли равно Богу — какая пища?» На это старец ответил: «Не пища имеет значение, а заповедь; Адам изгнан из рая не за объедение, а за вкушение, только за вкушение запрещенного. Почему и теперь в четверг или вторник можно есть, что хочешь, и не наказывается за это, а за среду и пятницу наказывается, потому что не покоряется заповеди. Особенно же важно тут то, что чрез послушание вырабатывается покорность».

Об устройстве водопровода

Приходит к батюшке состоятельный орловский помещик и, между прочим, объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. Батюшка уже весь охвачен этим водопроводом. «Люди говорят, — начинает он со своих обычных в подобных случаях слов, — люди говорят, что вот так лучше всего», — и подробно описывает устройство водопровода. Помещик, вернувшись, начинает читать литературу на эту тему и узнает, что батюшка описал последние изобретения в этой технике. Помещик снова в Оптиной. «Ну, что водопровод?» — спрашивает батюшка. Повсюду яблоки портятся, а у помещика — богатый урожай яблок.

«В индюшках вся ее жизнь»

Однажды остановила старца женщина, которая была нанята помещицей ходить за индюшками, но индюшки у нее почему-то дохли, и хозяйка хотела ее рассчитать. «Батюшка! — обратилась она к нему со слезами, — сил моих нет: сама над ними не доедаю, — пуще глаз берегу, а колеют. Согнать меня барыня хочет. Пожалей меня, родимый». Присутствующие смеялись над ней. А старец с участием спросил ее, как она их кормит, и дал ей совет, как их содержать иначе, благословил ее и отпустил. Тем же,

которые смеялись над ней, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. После сделалось известным, что индюшки у женщины уже не умирали.
Печальных утешитель

Рассудительность и прозорливость совмещались в старце Амвросии с удивительной, чисто материнской нежностью сердца, благодаря которой он умел облегчить самое тяжелое горе и утешить самую скорбную душу.

За прощением и советом

Это свидетельство очевидца о том, как старец устроил судьбу одной, уже отчаявшейся, молодой женщины. Она была дочерью именитого купца, образованная, но скромная. Девушка увлеклась молодым профессором и уже ожидала ребенка, но его отец отказался жениться на ней. Разъяренный купец выгнал дочь из дому ни с чем. Надо представлять, что в то время отношение к подобным ситуациям было самым суровым, и девушка, попавшая в такое положение, на всю жизнь покрывала себя позором. Переправилась она в соседний городок, передала ребенка какой-то мещанке, пообещав платить за его воспитание, и направилась в Оптину Пустынь к старцу Амвросию «за прощением и советом». Добравшись до Оптиной, она в толпе посетителей, ожидавших старца, готовилась к тяжелой, стыдливой исповеди. Каково же было ее недоумение и смущение, когда, минуя всех, отец Амвросий издали позвал ее, и как только она к подошла старцу, он ласково и участливо спросил ее, где она оставила рожденного ею младенца. Она все рассказала в слезах. Тогда он сказал ей немедленно забрать ребенка, вернуться в отцовский город, «а деньги на пропитание Бог пошлет». Она так и поступила. Мальчик вырос на редкость способным, хорошо учился, женщина по благословию старца стала писать иконы, чем и зарабатывала на пропитание, проводя благочестивую жизнь, в трудах и молитвах, часто бывая у отца Амвросия, который с особой любовью и вниманием относился к ее сыну. Со временем смягчился и отец женщины и стал поддерживать материально свою дочь и внука.

«Оборвалась твоя телеграмма»

Одна жительница Козельска спустя три года после смерти старца, в 1894 году, рассказывала о себе следующее: «У меня был сын, служил на телеграфе, разносил телеграммы. Батюшка знал и его, и меня. Сын часто носил ему телеграммы, а я ходила за благословением. Но вот мой сын заболел чахоткой и умер. Пришла я к нему — мы все шли к нему со своим горем. Он погладил меня по голове и говорит: "Оборвалась твоя телеграмма!" — "Оборвалась, — говорю, — батюшка!" — и заплакала. И так мне легко на душе стало от его ласки, как будто камень свалился. Мы жили при нем, как при отце родном. Теперь уже нет таких старцев. А может быть, Бог и еще пошлет!»

«Кто здесь так горько плачет?»

Одна молодая девушка с хорошим образованием, стремящаяся к лучшей жизни, но измученная своей внутренней раздвоенностью, сомнениями, пустотой жизни и интересов окружающей ее среды, безотчетно, под влиянием рассказов о старце, поехала к нему в Оптину, не имея в виду никакой определенной цели. У старца в келье шло всенощное бдение. Было много народу. Стоя со всеми, девушка почувствовала какое-то неизъяснимое волнение. Благодатная теплота охватила ее сердце. Глядя на большой образ Богородицы «Достойно есть», она вдруг почувствовала как будто ласку Самой Царицы Небесной и, не замечая сама, стала горько плакать. Вдруг из своей кельи выходит старец и с лицом, полным сострадательной любви и участия, спрашивает: «Кто здесь так горько

плачет?» Ему ответили: «Никто, батюшка, не плачет». — «Нет, — повторил старец, — здесь плачет кто-то». Девушка была глубоко поражена. С этого момента ее судьба была решена. Она просила старца принять ее в монастырь, в Шамордино. Вскоре приехала ее мать, чтобы «вырвать свою дочь из этого ужасного монашеского мира». Со скорбью и упреками вошла она к батюшке. Старец предложил ей стул. Прошло несколько минут разговора, и огорченная мать невольно, не понимая сама, что с ней делается, встает со стула и опускается около старца на колени, беседа продолжалась, но мать девушки была уже в совершенно другом состоянии. Вскоре к дочери-монахини присоединилась и ее мать, тоже поступившая в монастырь.

Исцеления болящих

Что касается исцелений по молитве старца, им не было числа. Эти исцеления старец всячески прикрывал: посылал больных к святым источникам, направлял их к святителю Митрофану Воронежскому, чтобы они думали, что исцелились по молитвам к святому. Иногда он, как бы в шутку, стукнет рукой по голове, и болезнь проходит. Однажды чтец, читавший молитвы, страдал сильной зубной болью. Вдруг старец ударил его. Присутствующие усмехнулись, думая, что чтец, верно, сделал ошибку в чтении. На деле же у него прекратилась зубная боль. Зная старца, некоторые женщины обращались к нему: «Батюшка Абрисим! Побей меня, у меня голова болит».

«Не я исцеляю, а Царица Небесная»

Рассказ одной из духовных дочерей старца, которую привезла к нему на исцеление знакомая. Долгое время она страдала болезнью горла, с которой никто из врачей не мог справиться, и уже дошла до такого состояния, что не могла глотать пищу: «Когда я вошла к батюшке в комнату с госпожой Ключаревой, она, встав перед ним на колени, начала со слезами просить: "Батюшка! Исцелите ея, как вы умеете исцелять". Сильно Старец разгневался на эти слова и приказал госпоже Ключаревой немедленно удалиться. Мне же сказал: "Не я исцеляю, а Царица Небесная; обратись и помолись Ей". В углу комнаты висел образ Пресвятой Богородицы. Потом он спросил, где болит горло. Я показала правую сторону оного. Старец с молитвою три раза перекрестил больное место. Тут же как будто некую бодрость я получила. Приняв благословение у батюшки и поблагодарив его за милостивый прием, я удалилась. Прихожу в гостиницу, где меня ожидал муж и одна знакомая дама... При них-то я попробовала проглотить кусочек хлеба, чтобы удостовериться, лучше ли мне стало за молитвами старца. Прежде я не могла глотать ничего твердого. И вдруг — какова же была моя радость! — я без боли, очень легко, могла все есть, и до сих пор ни разу боль не возвращалась, вот уже прошло тому 15 лет».

Исцеление больного ребенка

«Однажды летом, — рассказывал оптинский монах Памва, — пришлось мне быть в Калуге. На обратном пути в Оптину пустынь догнал меня священник с женою и мальчик лет одиннадцати. Разговорившись про батюшку отца Амвросия, священник отец Иоанн сказал, что приход его не далеко от станции Подборок, в селе Алопове, и что мальчик этот, его сын, рожден по святым молитвам старца Амвросия. Жена священника подтвердила слова мужа. "Истинная правда, — сказала она мне. — У нас деток не было. Мы скучали и часто приезжали к Батюшке, который нас утешал, говоря, что он молится за нас Господу Богу. У нас и родился вот этот самый мальчик. Кроме него у нас детей нет". Священник рассказал при этом следующее: "В одно время заболел у нашего сына глаз. Поехали мы с женой и с ним в Козельск к доктору, но предварительно заехали в Оптину и пришли к отцу Амвросию. Старец, благословив мальчика, начал слегка ударять по

больному глазу. У меня волосы дыбом встали из опасения, что старец повредит мальчику глаз. Мать заплакала. И что же оказалось? Приходим мы от старца в гостиницу, и мальчик заявляет нам, что глазу его лучше, и боль в нем утишилась, а затем и совсем прошла. Поблагодарив батюшку, мы возвратились домой, слава и благодаря Бога"».

«Вставай, лентяйка!»

Однажды старец Амвросий, согбенный, опираясь на палочку, откуда-то шел по дороге в скит. Вдруг ему представилась картина: стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, а над ней плачет крестьянин. Потеря лошади-кормилицы в крестьянском быту ведь сушая беда! Приблизившись к павшей лошади, старец стал медленно ее обходить. Потом, взяв хворостину, он стегнул лошадь, прикрикнув на нее: «Вставай, лентяйка!» — и лошадь послушно поднялась на ноги.

Учитель веры и благочестия. Старец Амвросий о больных вопросах своего времени

Эпоха, в которую протекало земное бытие старца, была в жизни России временем, полным противоречий и соблазнов, истины Православия заглушались новыми идеями и теориями, а часто и открыто отрицались. Все это пошатнуло основы общественной и государственной жизни, порождая сомнения у людей, отталкивая их от веры, ввергая в блуждание во тьме безбожия. Старец горько скорбел о таком состоянии русского общества. В переписке старца сохранилось много его советов на разные злободневные вопросы, которые и сегодня сохранили актуальность. Противостоял старец силой своего слова и распространению разных лжеучений и ересей, отрицающих православную веру. Когда к нему обращались за советами лица инославных исповеданий, что бывало нередко, старец, разрешив с любовью их недоумения, всегда указывал им ошибочность их исповедания и нередко обращал их к Православной Церкви.

О прогрессе

Однажды на рассмотрение отца Амвросия был предложен следующий вопрос: «Обязанность христианина — делать добро и стараться, чтобы добро восторжествовало над злом. При конце мира, как говорится в Евангелии, зло восторжествует над добром. Каким же образом можно стараться о победе добра над злом, зная, что старания эти не увенчаются успехом и что зло в конце восторжествует?»

Старец отвечал так: «Зло уже побеждено, — побеждено не старанием и силами человеческими, а Самим Господом и Спасителем нашим, Сыном Божиим, Иисусом Христом, Который ради сего и снисшел с Неба на землю, воплотился, пострадал с человечеством, и крестными Своими страданиями и воскресением сокрушил силу зла и злоначальника — диавола... Теперь всем верующим христианам дается в Таинстве Крещения сила попирает зло и творить добро... Хотеть же своими силами побеждать зло, которое уже побеждено пришествием Спасителя, показывает непонимание христианских таинств Православной Церкви и обнаруживает признак горделивой самонадеянности человеческой, которая хочет все делать своими силами, не обращаясь к помощи Божией. Тогда как Сам Господь ясно говорит: "без Мене не можете творити ничесоже". Вы пишете: в Евангелии говорится, что при кончине мира зло восторжествует над добром. В Евангелии этого нигде не сказано, а говорится только, что "в последнее время умалится вера" (Лк. 18, 8), и "за умножение беззакония иссякнет любы многих" (Мф. 24, 12). А святой апостол Павел говорит, что перед вторым пришествием Спасителя явится "человек беззакония, сын погибели..." (2 Сол. 2, 3–7), т. е. антихрист. Но тут же сказано, что Господь Иисус убьет его духом уст Своих и упразднит явлением пришествия Своего. Где

же тут торжество зла над добром? И вообще всякое торжество зла над добром бывает только мнимое, временное.

С другой стороны, несправедливо и то, будто человечество на земле постоянно совершенствуется. Прогресс, или улучшение, есть только во внешних человеческих делах, в удобствах жизни. В христианско-нравственном же отношении всеобщего прогресса нет. Нравственное совершенство на земле (несовершенное) достигается не всем человечеством в совокупности, а каждым верующим в частности, по мере исполнения заповедей Божиих и по мере смирения. Конечное же и совершенное совершенство достигается на Небе, в будущей бесконечной жизни, к которой кратковременная земная жизнь человеческая служит лишь приготовлением, подобно тому, как годы, проведенные юношей в учебном заведении, служат приготовлением к будущей его практической деятельности... Без будущей блаженной, бесконечной жизни земное наше пребывание было бы бесполезно и непонятно».

«Нельзя смешивать земное и небесное»

Одному студенту-филологу, обратившемуся к отцу Амвросию со своими недоумениями, старец отвечал: «Вы пишете, что, сознательно веря в бытие Божие, вы доходите почти до убеждения, что представление Его в Трех Лицах и разделение небесных сил на чины есть не что иное, как идеал государства.

Такое понятие ваше весьма неверно и далеко отстоит от истины, особенно по причине какого-то смешения Божества с тварями, от Него созданными. Иное есть Единый Бог в Трех Лицах, и иное девять чинов ангельских, от Него созданных, и, наконец, совсем иное — государства земные и человеческие. Тринединный Бог невидим и непостижим для твари, даже для ангелов, кольми паче для человеков.

Что же касается до государств человеческих, то они нисколько не относятся ни к иерархии небесной, ни даже к земной, потому что единая, истинная Церковь не ограничивается никаким государством, а существует по всей вселенной, имея членами своими истинно верующих и истинно благочестивых христиан. Для Бога все равно, в каком бы человек государстве ни жил, только был бы истинно верующим и благочестивым христианином... Правда и неоспоримо, что не только Богу приятно, но и всем благочестивым, если целое государство будет процветать благочестием и истинными понятиями о вере. Но что же делать, когда пришло такое время, что многие заботятся о суетном, оставляя единое на потребу».

О пользе монашества

В то время в светском обществе распространено было невысокое мнение о монашестве и монахах, которых упрекали в невежестве, праздности и т. д. Всеобщее поклонение образованности, науке и человеческому уму вело к унижению значения духовной жизни и молитвенного подвига. Разоблачая эти обвинения, старец писал: «Мнение, что в монастырях монахи и иеромонахи должны быть образованные, имело бы некоторую вероятность, если бы двенадцать избранных учеников Христа Спасителя были образованные. Но Господь, чтобы посрамить гордость и надменность человеческую, избрал Себе учеников, простых рыбаков, которые просто и скоро уверовали в Его учение. А чтобы обратить и привести к вере образованного Савла, нужно было его прежде наказать слепотою. Потому что образованные неудобно веруют и нелегко смиряются, надываясь научным знанием.

Если бы велеречивый проповедник против монашества хоть месяца три пожил бы в каком-либо пустынном монастыре и походил бы на все церковные службы, вставая ежедневно утром в два часа и ранее, тогда бы он опытным путем узнал, как "монахи в монастырях ничего не делают".

Как ни плохо монашество, а лукавому сатане всячески желается уничтожить и плохое монашество. Видно оно солоно ему и много препятствует его козням и злоухищрениям. Потому он покорных себе образованных и возбуждает против монашествующих. Во всяком обществе потребны люди образованные, средние и простые. Если бы все были образованные, то кто бы исполнял дела меньшие...»

Окормление интеллигенции

Среди посетителей старца были и представители интеллигенции, многие из которых благодаря отцу Амвросию смогли вернуться к вере, Церкви, в своих жизненных исканиях найти путь к спасению. Бывали у старца и знаменитые, известные люди — писатели, философы, ученые.

Неоднократно посещал Оптиную пустынь Лев Николаевич Толстой, впервые он побывал здесь в 1877 году. Его сестра Мария Николаевна стала монахиней Шамординского монастыря, основанного отцом Амвросием неподалеку от Оптиной, она окончила свои дни схимницей, была близкой духовной дочерью старца. Толстой приезжал повидаться с сестрой, с ней его связывали всю жизнь глубокие внутренние отношения. Трижды довелось писателю беседовать со старцем Амвросием, который произвел на него очень сильное впечатление. Толстой так отозвался о старце: «Этот отец Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как-то легко стало и отрадно у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога». В 1890 году, выйдя после беседы с отцом Амвросием, он сказал окружающим: «Я растроган, растроган». В то время знаменитый на всю Россию писатель, имевший последователей и учеников, переживал глубокий душевный кризис. Как известно, его учение отвергало главные истины христианства и саму Церковь. Как-то после почти часовой беседы с Толстым отец Амвросий, как вспоминают, едва дышал, был утомлен и произнес «Горд очень!»

Другим знаменитым посетителем и собеседником старца был Федор Михайлович Достоевский, побывавший в Оптиной летом 1878 года. По воспоминаниям жены писателя Анны Григорьевны «с тогдашним знаменитым старцем отцом Амвросием Федор Михайлович виделся три раза: раз в толпе при народе и два раза наедине, и вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление... Из рассказов Федора Михайловича видно было, каким глубоким сердцеведом был этот всеми уважаемый старец». Впечатление от Оптиной и бесед со старцем отразилось в последнем, самом значительном произведении Достоевского — романе «Братья Карамазовы».

Большое влияние оказал старец и на Константина Николаевича Леонтьева — замечательного писателя, философа, публициста. Пережив тяжелую болезнь, он решил принять постриг на Афоне, афонские отцы направили его в Оптину пустынь, к старцу Амвросию. Вскоре Леонтьев очень полюбил Оптину, стал духовным чадом сначала отца Климента (Зедергольма), письмоводителя отца Амвросия, а после его кончины — и самого старца. Об отце Амвросии Леонтьев писал, что он «скорее весел и шутив, чем угрюмен и серьезен, — весьма тверд и строг иногда, но чрезвычайно благодетелен, жалостлив и добр». В 1891 году старец постриг его в монашество с именем Климент и благословил отправиться на жительство в Троице-Сергиеву Лавру, при прощании сказал ему: «Мы скоро увидимся». Отец Климент там заболел и внезапно умер — через месяц

после кончины любимого старца, 12/25 ноября 1891 года. В его произведениях, письмах, воспоминаниях сохранились описания Оптиной пустыни, скита, свидетельства о старце.
Сияние святости

Еще при жизни отца Амвросия его почитали святым, великим угодником Божиим. Но лишь некоторым, совсем немногим, это было открыто явно. Свидетельства эти, по завету самого старца, стали известны только после его кончины.

Вот воспоминания одной монахини, духовной дочери отца Амвросия, как однажды она исповедовалась в келье старца: «В келье его горели лампадки и маленькая восковая свечка на столике. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спеша, а затем прибавила: "Батюшка, что сказать вам еще? В чем каяться? — Забыла". Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постели, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на середине своей кельи. Я невольно на коленях повернулась за ним. Старец выпрямился во весь свой рост, поднял голову и воздел руки кверху, как бы в молитвенном положении. Мне представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его голову и лицо. Помню, что потолка в келье как будто не было, он разошелся, а голова старца как бы ушла вверх. Это мне ясно представилось. Через минуту батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова: «Помни, вот до чего может довести покаяние. Ступай». Я вышла от него, шатаясь, и всю ночь проплакала о своем неразумии и нерадении. Утром нам подали лошадей, и мы уехали. При жизни старца я никому не могла рассказать этого. Он мне раз и навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозой: "А то лишишься моей помощи и благодати"».

Отец Анатолий (Потапов, будущий старец) и отец Исаия читали однажды батюшке Амвросию молитвы. Когда читал отец Исаия, отец Анатолий видит, что старец стоит на коленях на воздухе, а не на кровати. Он удивился, быть может, испугался, и когда окончилось правило, он спросил отца Исаию: «Видел?» — «Видел!» — отвечал тот...

Сохранилось и такое свидетельство. Пришел, по обычаю, к отцу Амвросию в конце утреннего правила иеромонах, его письмоводитель. Старец, выслушав правило, сел на кровать. Письмоводитель подходит под благословение и, к великому своему удивлению, видит лицо старца светящимся. Но лишь только получил он благословение, как этот дивный свет скрылся. Спустя немного времени он снова подошел к старцу, когда тот уже перешел в другую келью и занимался с народом, и по простоте своей спросил: «Или вы, батюшка, видели какое видение?!» Старец, не сказав ему ни слова, только слегка стукнул его по голове рукой — знак особенного благоволения.

Казанская Горская Шамординская обитель

В последние годы жизни старца в 12 верстах от Оптиной, в деревне Шамордино, был устроен по его благословию женский монастырь, в который, в отличие от других женских обителей того времени, принимали больше неимущих и больных женщин. Тогда женщине или девушке, чтобы поступить в монастырь, необходимо было либо купить для себя келью, либо сделать хоть небольшой взнос на обитель и содержать себя своими средствами или трудами, так как женские монастыри не имели возможности обеспечивать полное содержание монашествующим. Поэтому больные и не обладающие средствами женщины практически не могли рассчитывать на поступление в обитель, даже если имели склонность к монашеской жизни. Вот таких бедных и обездоленных старец Амвросий принимал на свое попечение и старался как-нибудь их пристроить.

Еще до основания Шамординского монастыря, он благословлял некоторых благочестивых состоятельных людей к устройению женских общин, и сам, сколько мог, содействовал этому. В 1870-х годах им были основаны Предтеченская женская община в г. Кромы Орловской губернии, Ахтырская Гусевская женская обитель в Саратовской губернии, Козельщанская в Полтавской губернии, Николо-Тихвинская в Воронежской.

Шамординская обитель была любимым детищем отца Амвросия. История ее начинается еще в начале 1870-х годов и связана с именем духовной дочери старца, по его благословению принявшей монашество, — матушки Амвросии (Ключаревой), в миру — богатой помещицы. Усадьба Шамордино, неподалеку от деревни с тем же названием, находится в стороне от Калужской дороги, — она была куплена Ключаревой по благословению старца. Когда отец Амвросий первый раз вошел в новоотстроенный ключаревский дом и увидел в зале большую Казанскую икону Божией Матери, то остановился перед ней, долго смотрел на нее и затем сказал: «Ваша Казанская икона Божией Матери, несомненно, чудотворная: молитесь ей и храните ее». В дальнейшем старец не раз говорил о том, что в Шамордино со временем будет монастырь. Произошло это уже после кончины матушки Амвросии. По ее завещанию в 1883 году в усадьбе Шамордино, по благословению и при непосредственном наблюдении старца, началось устройство женской общины. Первая домовая церковь в Ключаревском имении была освящена в честь Казанской иконы Богородицы.

Место же, где расположена обитель, удивительно живописное. Весь огромный склон горы покрыт густым лиственным лесом, глубоко внизу, у подошвы горы, в ложбине, протекает небольшая извилистая речка Серена. За нею луга, а далее — к юго-западу — холмистые дали, уходящие к горизонту.

Освящение храма и открытие общины совершены были в праздник Покрова Божией Матери, 1 октября (ст. ст.) 1884 года. Первой настоятельницей обители стала игуменья София (Астафьева), она была незаменимой помощницей старца, его правой рукой. К сожалению, ее управление продолжалось недолго, — в 1888 году она скончалась. Старец Амвросий, вспоминая ее, говорил: «Ах, мать, обрела милость у Бога». Следующей настоятельницей стала Евфросиния (Розова).

Количество сестер в новой общине постоянно росло, сюда большей частью принимали находившихся в крайней бедности, вдов, сирот, а также страдавших разными недугами. «Батюшка, у вас именно что монастырь», говорили отцу Амвросию. — «А что?» — «Да в какую келью не войдешь — там слепая, там хромая, а тут и вовсе без ног, — поневоле все уединенные». Но не одни только нуждающиеся, больные и убогие находили себе убежище у старца Амвросия. В Шамординской общине было много состоятельных, образованных, с высоким общественным положением насельниц. К 1890-м годам число инокинь в обители достигло 500 человек.

«Я вас отдал Царице Небесной». Икона Божией Матери «Спорительница хлебов»

Старец ежегодно в летнее время приезжал в Шамордино, чтобы лично наблюдать за всеми делами, эти посещения были для сестер большим праздником. Вскоре он задумал воздвигнуть в общине огромный каменный храм в честь Богородицы, сооружение которого было начато в 1889 году. Все эти разнообразные хозяйственные и духовные начинания побудили отца Амвросия в 1890 году переселиться в Шамордино.

Монастырь был посвящен Богородице, Ее Казанской иконе, но батюшка благословил написать и освятил еще одну икону Заступницы Усердной, ставшую благословением обители. Произошло это так.

В 1890 году настоятельница Болховского Всесвятского монастыря игуменья Илария прислала старцу икону Богородицы совершенно нового письма: Божия Матерь на ней изображена сидящей на облаках, Ее руки подняты в благословляющем движении, внизу — сжатое поле, среди цветов и травы снопы ржи. Изображение Богородицы было заимствовано с иконы «Всех святых» главного храма Болховского монастыря, а поле со снопами написано по благословению старца. Он назвал икону «Спорительница хлебов», показав, что Матерь Божия помогает не только в духовных нуждах, но и в земных трудах. Старец очень любил этот образ и заповедал молиться перед ним всем своим духовным чадам. Для акафиста иконе он сам написал припев: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоя и яви милосердие Твое». Первым чудом по молитве перед иконой стал прекрасный урожай на шамординских полях и в Калужской губернии в голодный для всей России 1891 год.

Одной из своих духовных дочерей старец сказал незадолго до кончины: «Устроить для вас я больше уже ничего не могу; я вас отдал Царице Небесной».

Кончина старца

Именно в Шамордино суждено было старцу Амвросию встретить час своей кончины. Он неоднократно пытался вернуться в Оптину, но это было невозможно из-за усилившейся болезни. Он уже предчувствовал, что приближается расставание с земной жизнью. На Страстной неделе 1891 года одна близкая духовная дочь отца Амвросия привезла ему образ Спасителя в терновом венце, приобретенный по его указанию. Батюшка с великой радостью принял икону и сказал: «На что же лучше этого тернового венца!» — и поцеловал образ. Затем прибавил: «Хорошо быть у Христа Спасителя, но еще много лучше пострадать за Него на этом кресте».

В сентябре болезнь усилилась так, что отец Амвросий потерял и слух, и голос, начались его предсмертные страдания — столь тяжелые, что подобных им, как признавался сам старец, он во всю жизнь не испытывал. 8/21 октября его соборовали, а на следующий день причастили. Этой ночью одна из близких учениц старца несколько раз входила вместе с другой монахиней в комнату батюшки посмотреть на больного, и их обеих поразило необыкновенно светлое выражение его лица: глаза были пристально устремлены вдаль, он как будто бы беседовал с кем-то невидимым. Узнав о крайне тяжелом состоянии старца Амвросия, в Шамордино приехал настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий. На следующий день, 10/23 октября 1891 года, в половине двенадцатого, старец, три раза вздохнув и с трудом перекрестившись, скончался.

Шамординская обитель и Оптина пустынь погрузились в глубокую скорбь, вскоре о кончине старца стало известно по всей России. Гроб с телом почившего был установлен в шамординском храме, здесь совершались заупокойные службы. В монастырь прибыл Преосвященный Виталий, епископ Калужский. Похоронить старца решено было в Оптиной пустыни.

Погребение старца Амвросия было назначено на 15/28 октября, накануне гроб с его телом должны были перенести из Шамордино в Оптину пустынь. По окончании заупокойной литургии и панихиды, в 11-м часу дня, гроб был поднят руками сестер, поставлен на носилки и, в сопровождении икон и хоругвей, сначала обнесен вокруг церкви, а затем через весь монастырь, мимо настоятельского корпуса и заложенного при старце каменного собора, направился в Оптину пустынь.

Погода в этот день была ненастная. Холодный осенний ветер пронизывал насквозь, шел непрерывный дождь. Гроб несли попеременно то сестры общины, то оптинские монахи, то мирские духовные чада батюшки. Тысячи людей шли и ехали за гробом. Шествие было медленное. Когда подходили к лежащим на пути селам, в храмах начинался погребальный колокольный перезвон, священники в облачениях, с хоругвями и иконами, выходили навстречу. Местные жители присоединялись к погребальному шествию. Это торжественное перенесение тела почившего старца, по замечанию очевидцев, скорее напоминало перенесение мощей.

Чин отпевания был совершен во Введенском соборе. На погребение съехалось около 8 тысяч человек. 15 октября тело старца было предано земле с юго-восточной стороны Введенского собора, рядом с его учителем иеросхимонахом Макарием. Примечательно, что именно в этот день, 15 октября, всего за год до кончины, старец Амвросий установил праздник в честь чудотворной иконы Божией Матери «Спорительница хлебов».

Над могилой старца со временем была возведена небольшая часовня, внутри которой с левой стороны помещался белый мраморный надгробный памятник с надписью, точно определяющей значение старца: «Бых немощным, яко немощен, да немощныя приобрящу; всем бых вся, да всяко некия спасу». (1 Кор. 9, 22).

Сразу же после кончины отца Амвросия начали совершаться чудеса по молитвам к нему, старец, как и при жизни, исцелял, наставлял, посылал утешение. Часовня над его могилой стала местом паломничества со всех концов России. Современник старца писал: «Тут, в Оптиной, было сердце, вмещавшее всех, тут были свет, теплота, радость, — утешение, помощь, уравновешение ума и сердца, — тут была благодать от Христа ... тут была любовь, всех вмещающая, тут был старец Амвросий».